

Религіозно-філософскія письма Н. И. Пирогова ¹⁾.

Какимъ бы предметомъ ни занимался человекъ науки, всё знаютъ, что онъ никакъ не отдѣляется отъ назойливаго вопроса: во что онъ вѣритъ; а этотъ вопросъ—самый главный: согласно ли его вѣрованіе съ убѣжденіями, добытыми имъ путемъ науки?

Пироговъ „Дневникъ“, изд. 1910 стр. 164.

Теперь я изолью предъ тобою все, какъ понимаю три христіанскія добродѣтели, основу ученія Христа, основу нашей земной и залогъ нашей будущей жизни. Миѣ бы хотѣлось, чтобы и дѣти мои проникнуты были этими же убѣжденіями, но чтобы они дошли къ нимъ не тѣмъ же путемъ, опаснымъ и обрывистымъ, путемъ сомнѣній и заблужденій,—которымъ дошелъ отецъ ихъ.

Вѣра ²⁾. Мы должны вѣрить въ Откровеніе, такъ какъ Оно этого требуетъ: полагаясь на одно свидѣтельство Спасителя Самого о Себѣ. Ты помнишь, что Спаситель сказалъ фарисеямъ на ихъ возраженія: „Ты Самъ свидѣтельствуешь о Себѣ, свидѣтельство Твое не истинно“. „Ежели Я и Самъ свидѣствую о Себѣ, сказалъ имъ Іисусъ въ отвѣтъ, то свидѣтельство Мое истинно; ибо Я знаю, откуда пришелъ и куда иду; а вы не знаете откуда Я, и куда иду“. (Ев. Іоан. 8. 14).

Фарисеямъ было легче вѣрить нашего. Предъ ними совер-

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1916 г.

²⁾ „Вѣра же есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“. (Посл. къ Евр. Св. Павла. 11, 1).

Выноска Пирогова.

шались чудныя дѣла Спасителя, они наслаждались лицезрѣніемъ Его Божественнаго лица; они видѣли собственными глазами то, о чемъ мы теперь только слышимъ.—Намъ переданы слова, дѣла и свидѣтельства Спасителя о Себѣ, не Имъ Самимъ, но вдохновенными Его учениками; и поэтому намъ, чтобы вѣрить въ Него, *нужно сначала вѣрить въ истину свидѣтельствъ Его учениковъ*. Спаситель намъ ничего не оставилъ письменнаго о Себѣ. Слова Его совершаются. „Совершилось“, произнесенное Имъ на крестѣ, измѣнило направленіе всего міра.

Все Высокое, чѣмъ отличается нашъ міръ отъ міра языческаго, проистекло изъ откровенія. Но все же, чтобы вѣрить съ полнымъ и сердечнымъ убѣжденіемъ въ событія, измѣнившія лицо всей земли, мы должны вѣрить неизмѣнно *въ истину свидѣтельствъ Евангелистовъ и Апостоловъ*. Поэтому историческое изученіе Новаго Завѣта необходимо каждому христіанину и многіе святыя отцы, жившіе въ первые вѣка христіанства, посвящали всю жизнь свою на изученіе источниковъ, изъ которыхъ почерпали свое ученіе и на распространеніе ихъ въ народахъ. Намъ остались свидѣтельства четырехъ Евангелистовъ и пяти Апостоловъ. Въ нашъ вѣкъ, да еще и въ прошедшихъ столѣтіяхъ, многіе пытались вникать въ эти источники; и такъ какъ книгопечатаніе въ тѣ времена еще не существовало, все передавалось преданіемъ и письменами, а рукописи и преданія, переходя изъ рукъ въ руки и изъ устъ въ уста, были нерѣдко измѣняемы переписчиками и толкователями; оригинальныя же рукописи до насъ дошли едва въ неполныхъ отрывкахъ; то сомнѣніе при изслѣдованіи источниковъ было почти необходимо.

Послѣ реформаціи, когда различныя философскія ученія и историческая критика приняты были знаменитѣйшими теологами, сомнѣніе въ исторической части христіанскаго ученія дошло, наконецъ, до того, что нѣкоторые начали разсматривать Спасителя не какъ лицо, существовавшее на землѣ въ человѣческомъ видѣ, но какъ одинъ священный мифъ. Чтобы быть истинными христіанами, не будучи сами глубокими и учеными изслѣдователями, знающими въ совершенствѣ древніе языки и способными почерпать ученіе Христа въ первоначальныхъ Его источникахъ, сличая рукописи, дошедшія до насъ, и отличая истинныя отъ подложныхъ,—мы должны вѣрить въ тѣ источники, которые переданы намъ святыми и благочестивыми мужами, жившими въ первыхъ вѣкахъ христіанства.

Такъ, мы должны знать, что самое древнее Евангеліе есть Евангеліе Матѳея, родомъ изъ Галилеи, бывшаго прежде

мытаремъ и называвшагося Левіемъ. Онъ оставилъ свою должность собирателя налоговъ, къ которой былъ опредѣленъ Римскимъ правительствомъ, обратился къ ученію Христа чрезъ вдохновеніе; онъ бросилъ выгодное мѣсто, зная, что преслѣдованіе и нищета будетъ его удѣломъ. Онъ былъ изъ числа 12. Онъ училъ послѣ Вознесенія Христа въ Іудеѣ и написалъ Евангеліе 8 лѣтъ спустя послѣ Вознесенія на сирійско-халдейскомъ или измѣненномъ еврейскомъ языкѣ. Жизнь его описали Оригенъ, св. Іеронимъ, Евзевій и св. Августинъ.

Секта эбіонитовъ, появившаяся въ первомъ вѣкѣ христіанства, измѣнила Евангеліе Матѳея и изъ этого произошло нѣсколько подложныхъ рукописей. Настоящая рукопись затеряна и остался переводъ на греческомъ языкѣ, сдѣланный, какъ думаютъ, также однимъ изъ Апостоловъ. Цѣль благовѣтствованія св. Матѳея состоитъ въ томъ, чтобы описать родоначаліе Іисуса Христа и Его всю человѣческую, земную жизнь. Но онъ описалъ ее не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ евангелистъ Лука, а особенно взошелъ въ подробности описанія Его дѣлъ и изображенія нравственно-практической ихъ стороны, и потому въ этомъ (нравственно практическомъ) отношеніи благовѣтствованіе Матѳея выше всѣхъ другихъ. Онъ велъ строгую жизнь, питался одними кореньями и плодами и умеръ замученный въ Эѳіопіи.

Евангелистъ Маркъ былъ родомъ еврей. Онъ принялъ христіанское ученіе уже послѣ Воскресенія Христа, слѣдовалъ за апостоломъ Петромъ и былъ его толкователемъ. Онъ переводилъ, какъ думаютъ, на греческій и латинскій языки посланіе Апостола Петра. Онъ писалъ Евангеліе чрезъ 12 лѣтъ послѣ Вознесенія, на какомъ языкѣ не совсѣмъ рѣшено; большая часть думаетъ, что на греческомъ. Въ Венеціи сохраняютъ 5 тетрадей рукописей, но они такъ стары и разрушены, что нельзя рѣшить, писаны ли на греческомъ или на латинскомъ; но, про этотъ манускриптъ послѣ было узвано, что онъ былъ сдѣланъ въ 6 столѣтіи и, слѣдовательно, не оригинальный.

Св. Августинъ говоритъ, что сократилъ только Евангеліе Матѳея; однако же, онъ держится въ благовѣтствованіи своемъ болѣе порядка хронологическаго, какъ св. Лука, и присоединяетъ нѣкоторыя подробности, которыя не находятся въ Евангеліи св. Матѳея. Такъ, повѣствованіе о двухъ лептахъ вдовицы и вкратцѣ явленія Спасителя двумъ ученикамъ, шедшимъ въ селеніе Эммаусъ, послѣ Воскресенія, онъ рассказываетъ съ большою подробностію объ отреченіи Петра, но не говоритъ, что

Спаситель сказалъ въ пользу Петра. Это объясняется апостольскимъ смиреніемъ; вѣроятно, самъ апостоль Петръ, котораго онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ и послѣдователемъ, велѣлъ нарочно сказать о себѣ болѣе того, что служило къ невыгодному о немъ мнѣнію. Онъ былъ съ Петромъ въ Римѣ и потомъ проповѣдывалъ въ Александріи и въ Египтѣ, гдѣ и замученъ въ день богослуженія богу Серапису.

Евангелистъ Лука былъ родомъ изъ Антиохіи (въ Сири), получилъ весьма тщательное воспитаніе; былъ врачъ и живописецъ (св. Павелъ говоритъ о немъ въ посланіи „И нашъ братъ, возлюбленный Лука, врачъ“). Онъ, по общепринятымъ свидѣтельствамъ, сдѣлался послѣдователемъ ученія Христа послѣ уже Его Вознесенія и, вѣроятно, чрезъ апостола Павла, котораго онъ былъ вѣрнымъ спутникомъ и сотрудникомъ (спустя 50 лѣтъ послѣ Христа). Онъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ, въ темницѣ, посылаемъ имъ былъ къ Коринфянамъ. Вѣроятно онъ написалъ свое благовѣтствованіе чрезъ 53 года послѣ Вознесенія. Онъ самъ объясняетъ въ предисловіи причины, побудившія писать его Евангеліе: „Какъ уже многіе начали описывать происшествія, извѣстныя между нами, какъ предали намъ первоначальные самовидцы и служители Слова,—разсудилось и мнѣ, по точномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Теофилъ, чтобы удостовѣрить тебя въ томъ, чему ты былъ поучаемъ“ (Ев. Луки. Гл. I),

Такъ (какъ?) въ первые годы христіанства слухи и рассказы о событіяхъ должны были быть весьма различны, даже противорѣчащія, духъ различныхъ, враждующихъ между собою, партій, долженъ былъ затемнять истину случившагося, то св. Лука и предпринялъ самъ, изслѣдовавъ и распросивъ очевидцевъ, составить вѣрное описаніе всему бывшему. Теофилъ, къ которому онъ относится, былъ по мнѣнію толкователей знатный римлянинъ, обратившійся въ христіанство, которому онъ и объясняетъ, переводя на греческій нѣкоторыя еврейскія слова, какъ-то: равви (учитель), аминь, и названіе еврейскихъ городовъ.

Св. Лука преимущественно обращаетъ вниманіе въ своемъ Евангеліи на священнодѣйствія Христа и входитъ въ подробности, которыхъ нѣтъ у другихъ евангелистовъ. Онъ писалъ по-гречески и слогомъ чистымъ и яснымъ. Вотъ, что говоритъ про его благовѣтствованіе абб. Dassange:

„Величіе, съ которымъ представлены самыя прекрасныя мистеріи, которыя выше всякаго выраженія, выше нашего спо-

соба изложенія событій, это величіе, въ которомъ не замѣчаешь ни одного высокопарнаго слова, имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Энергія, съ которой говоритъ евангелистъ о терпѣвнн, о кротости, о милосердіи Богочеловѣка, о Его ученіи, Его жизни; хладнокровіе, съ какимъ говоритъ онъ о страданіяхъ и смерти Спасителя; его стремленіе избѣгать всякихъ восклицаній, воздерживаться отъ грубыхъ эпитетовъ, которые обычно придаютъ врагамъ тѣхъ, кого любятъ,—во всемъ этомъ есть то великое, благородное, трогательное, убѣдительное, что мы напрасно стали бы искать въ самыхъ прекрасныхъ оборотахъ рѣчи. Благодаря этой простотѣ, великія дѣянія говорятъ, такъ сказать, сами за себя, и человѣческое краснорѣчіе могло бы лишь уменьшить блескъ ихъ“¹⁾.

Этотъ же евангелистъ прекрасно описалъ дѣянія Апостоловъ въ теченіе 30 лѣтъ, которыхъ онъ былъ самъ очевидцемъ. Прекрасный есть отрывокъ Шатобриана объ Евангеліи св. Луки.

Выписавъ первую главу этого Евангелія, Chateaubriand говоритъ:

„Мы думаемъ, что знаемъ немного античный міръ, и утверждаемъ, что долго пришлось бы искать среди лучшихъ геніевъ Рима и Греціи прежде, чѣмъ нашли бы нѣчто столь же простое и столь же чудесное. *Всякій, кто прочтетъ* (это особливо прекрасно и истинно) Евангеліе хоть съ небольшимъ вниманіемъ, откроетъ въ немъ во всякій моментъ дивныя цѣнности, ускользающія отъ нашего вниманія раньше всего вслѣдствіе своей простоты (*Génie du christianisme*)“²⁾.

Св. Лука умеръ распятый въ Пелопонесѣ по однимъ (свѣдѣніямъ?), по другимъ онъ умеръ въ старости въ Виѣннн, претерпѣвъ много за вѣру.

Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, любимый ученикъ Спасителя, былъ родомъ изъ Галилеи, до Апостольства онъ занимался рыбною ловлею. Думаютъ также, что онъ былъ сначала ученикомъ Іоанна Крестителя. Ему было тогда 25 лѣтъ и онъ былъ самымъ младшимъ изъ учениковъ. Спаситель его называлъ „Воанергесъ“, т.-е. сыномъ грома. Про себя онъ всегда говоритъ въ Евангеліи: „ученикъ, котораго любилъ Іисусъ“.

¹⁾ У Пирогова этотъ отрывокъ приводится по-французски. См. январь, стр. 105, прим. первое.

²⁾ У Пирогова — по-французски, кромѣ словъ, взятыхъ въ скобки, какъ его собственный текстъ.

Онъ былъ при Вознесеніи; глава его покоилась на груди Искупителя во время Тайной Вечери. И когда Іисусъ объявилъ „что одинъ изъ учениковъ предасть Его“, тогда ученики озирались другъ на друга, педоумѣвая, о комъ Онъ говоритъ. Одинъ же изъ учениковъ Его, *котораю любилъ Іисусъ, возлежалъ у груди Іисуса*. Ему Симонъ-Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о комъ говоритъ? Онъ, припадши къ груди Іисусовой, сказалъ ему: „Господи! Кто это“? (13. 23. 24).

Отвѣтъ Іисуса слышалъ только одинъ Іоаннъ. Іоаннъ провожалъ Спасителя на Голгоѳу. Его стараніямъ поручилъ Распятый Свою Мать. „Вотъ Мать Твоя!“, сказалъ Онъ ему, и съ тѣхъ поръ онъ принялъ Ее въ свой домъ. Іоаннъ принялъ послѣдній вздохъ Искупителя и слышалъ роковое: „свершилось“. Онъ былъ другъ Петра; оба первые побѣжали на зовъ изумленной Магдалины и вошли первые въ пустой гробъ Воскресшаго. Имъ же явился Іисусъ, когда они ловили рыбу, и Іоаннъ первый узналъ Его, сказавъ объ этомъ и Петру.

И когда Іисусъ сказалъ Петру, давая разумѣть, какою смертію онъ прославить Бога, „иди за Мною“, Петръ, обратясь, видитъ идущаго за Нимъ ученика, *котораю любилъ Іисусъ*, и который на вечери, прислонясь къ груди Іисусовой, сказалъ: „Господи, кто предасть Тебя?“ Его увидѣвъ, Петръ говоритъ Іисусу: „Господи! а онъ что“? Іисусъ говоритъ ему: „есть ли Я хочу, чтобъ онъ оставался, пока Я приду, что тебѣ до того, ты иди за Мною“. И такъ пронеслось слово сіе между братьями, что ученикъ тотъ *не умретъ*; но Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ; а только сказалъ: „если хочу, чтобы онъ оставался, пока приду, что тебѣ до того“. (21, 21. 22. 23). Онъ былъ мучимъ при Императорѣ Домиціанѣ. Ему было уже 95 лѣтъ, когда онъ написалъ Евангеліе. Онъ приготовлялся къ этому благовѣтствованію нѣсколько дней постомъ, молитвою и вдохновеніемъ и вдохновенный изрекъ: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“.

Другіе Евангелисты говорили о человѣчествѣ Іисуса; Іоаннъ— о Его божественномъ началѣ. Это мой любимый евангелистъ. Онъ смотритъ на Христа и на ученіе Христа болѣе со стороны *отмеченной* (идеальной), онъ болѣе другихъ говоритъ о любви другъ къ другу, онъ оканчиваетъ въ маститой старости и жизнь свою словами: „Дѣти, любите другъ друга; такъ повелѣлъ Господь, и если это будете соблюдать, то уже этого одно довольно, чтобъ спастись“. Онъ писалъ Евангеліе по-гречески, и въ 6 столѣтіи, говорятъ, еще сохранялась въ Эфесѣ собственная его рукопись.

Одинъ грекъ язычникъ изъ философской школы Платона сказалъ про Евангеліе Іоанна, что начало его книги заслуживаетъ быть написаннымъ золотыми буквами надъ дверьми храмовъ.

„Люди, не останавливайтесь на томъ, чѣмъ начинается благовѣствованіе къ Маріи. Говорите вмѣстѣ со мною: *Въ началѣ бѣ Слово*. Но зачѣмъ говорить о началѣ, разъ рѣчь идетъ о томъ, что не имѣетъ начала? Такъ сказано въ томъ смыслѣ, что *оно существовало* въ началѣ всѣхъ началъ: его не создавали, не творили, но *оно было*. Что-же это было? Что такое то, что, не будучи создано, не имѣя начала, существовало уже тогда, когда Господь началъ творить? Было ли оно хаотической матеріей, которую Господь началъ обрабатывать, приводить въ движеніе и придавать ей форму? Нѣтъ, то, что было въ началѣ, было слово, внутреннее слово, мысль, разумъ, понятіе, мудрость, внутренняя рѣчь; рѣчь безъ разговора, гдѣ одно не извлечено изъ другого путемъ заключеній; но рѣчь, въ которой существенно заключена вся истина и которая сама есть истина. *Оно было, оно существовало*, оно, такъ сказать, было не нѣчто присущее Богу, нераздѣльное съ нимъ, но нѣчто пребывающее въ Богѣ, какъ бы въ немъ существующее, какъ бы нѣкое лицо въ Богѣ, и именно другое лицо, нежели то, въ коемъ оно пребываетъ. И слово, находящееся въ Богѣ, пребывающее въ Немъ, существующее въ Немъ, въ самомъ Богѣ являющее нѣкое лицо, отъ Него происшедшее и въ Немъ пребывающее,—всегда рождаемое, всегда пребывающее въ Его лонѣ. Оно въ немъ рождено, поелику Оно есть Сынъ; оно въ Немъ пребываетъ, поелику оно мысль вѣчно существующая. Оно Богъ, какъ и Тотъ, отъ Кого оно рождено. Ибо Слово было Богъ: Богъ въ Богѣ, Богъ отъ Бога, рожденное отъ Бога, существующее въ Богѣ“¹⁾.

И такъ, вотъ мужи, въ Авторитетъ и свидѣтельства которыхъ мы должны вѣрить, чтобы вѣрить въ земную жизнь и дѣла Спасителя. Изъ всего, что они намъ оставили по себѣ, явствуетъ, что они стремились къ высокой цѣли въ жизни, не страшились ни бѣдствій, ни мученій, ни самой смерти, чтобы достигнуть распространенія своихъ убѣжденій въ истинѣ ими видѣннаго и слышаннаго. Ихъ дѣла, ихъ жизнь, сколько намъ объ этомъ извѣстно по преданіямъ и по свидѣтельствамъ, доказываютъ намъ, что *Вдохновеніе и Духъ Истины*, ниспосланный имъ свыше, долженъ былъ руководить ими и освѣнять ихъ.

¹⁾ Цитируется Пироговымъ по-французски. Переводъ редактированъ профессоромъ С. М. Зарипымъ. См. январь, стр. 97.

„Но Я истину говорю вамъ, сказалъ Спаситель имъ (по свидѣтельству Іоанна), лучше для васъ, чтобы Я пошелъ; ибо есть ли Я не пойду, то *Утѣшитель* не придетъ къ вамъ; а если пойду, то *пошлю Его къ вамъ*... Когда придетъ Отецъ, *Духъ Истины*, то наставитъ васъ на всякую истину; ибо не отъ Себя говорить будетъ, но будетъ говорить, что услышитъ, и будущее возвеститъ вамъ“ (16, 7. 13). За Идею въ истинѣ, въ которой они не были бы убѣждены *свыше*, имъ бы не возможно было терпѣвать и бороться такъ, какъ они боролись и терпѣли. И такъ, жизнь ихъ доказываетъ намъ истину ихъ Авторитета.

22 апрѣля.

Хотѣлъ было продолжать писать о вѣрѣ, но получилъ твое письмо отъ 11 апрѣля; оно меня вмѣсто успокоенія, которое ты предполагала имъ доставить, сильно взволновало. На первыхъ же строкахъ я прочелъ: „Ты въ большемъ разладѣ съ самимъ собою, ты несправедливъ противъ себя, ты *домогаешься недосягаемаго совершенства*, ты этимъ никогда не обрѣтешь *мира*, столь необходимаго для *нашего счастья*“.

Вспомни, ты сказала: „Да, я готова идти съ вѣрующимъ въ *Идеаль*, рѣшилась для будущаго жить въ борьбѣ“. Что же для тебя теперь новаго, что я домогаюсь *недосягаемаго совершенства*, да это же и есть вѣра въ идеаль, это и есть стремленіе къ тому, чего мы не можемъ достигнуть. Надѣюсь, ты поняла то, о чемъ ты сказала: „да, я готова“. О какомъ *мирѣ* и о какомъ *счастьи* ты мнѣ говоришь? Да развѣ я ищу ихъ здѣсь?

Я уже тебѣ и въ *вопросахъ жизни*¹⁾ и въ письмахъ вездѣ писалъ, гдѣ мое счастье. Оно *не здѣсь*, и мнѣ *не нужно его здѣсь* если я другихъ могу сдѣлать счастливыми, съ полнымъ убѣжденіемъ, съ собою,—то это мнѣ еще можетъ *напомнить*, и то напомнить только о настоящемъ счастьи. А миръ? Миръ души? Къ сожалѣнію, ты многія слова и мысли, я замѣтилъ, произносишь болѣе наслышкою, нежели глубоко вникнувъ въ ихъ смыслъ. Ты говоришь мнѣ о *разладѣ* съ самимъ собою, говоришь, что не можешь представить, чтобы человѣкъ, дѣлающій добрыя дѣла, могъ въ остальное, или въ нѣкоторое время, быть подлецомъ.

¹⁾ Курсивъ мой. Въ письмѣ къ художнику Э. А. Моллеру о своемъ знакомствѣ съ А. А. Бистромъ на почвѣ согласія ея съ основными требованіями, изложенными въ его статьѣ „Вопросы жизни“, Пироговъ говоритъ по поводу этой статьи: „Читая ихъ, я думаю, вы убѣдитесь, что безъ убѣжденія, безъ вдохновенія *мы* нельзя ихъ было написать“...

Все это ты говоришь, нисколько не вникнувъ, нисколько не наблюдавъ за движеніями души. И между тѣмъ сама же чрезъ нѣсколько строчекъ толкуешь: мы суждены здѣсь на то: бороться, падать, грѣшить; т.-е., быть отъ времени до времени мыслию или дѣломъ бездѣльниками или подлецами. Что же тутъ не понятнаго?

Вспомни, что вся жизнь есть безконечная цѣпь, составленная только изъ *однихъ мгновеній*; мы живемъ мгновеніями: въ одно мгновеніе мы высоки, добры, прекрасны; въ другое низки, злы и подлы, и, даже дѣлая доброе по его слѣдствіямъ, можемъ быть худы внутренно, и, дѣлая злое по его слѣдствіямъ, можемъ быть высоки и добры внутренно. Это фактъ. И я себя, анализируя, подводилъ подъ этотъ фактъ, думая, что и ты мнѣ сообщишь наблюденія о себѣ. А ты мнѣ объясняешь то, что я такъ давно знаю.

Я въ разладѣ съ собою; но во мнѣ же есть и еще что-то повыше, *третье*, что наблюдаетъ и слѣдитъ за этимъ разладомъ; это-то наблюдающее третье, вѣроятно, не допуститъ, чтобы я сошелъ съ ума или лишилъ себя жизни отъ разлада,—что должно бы было непременно быть,—какъ непосредственное слѣдствіе разлада съ собою, въ которомъ человекъ не можетъ должно существовать,—если только слово *разладъ* примемъ въ настоящемъ его смыслѣ, а не сдѣлаемъ изъ него *пустую фразу*.

Мое то *наблюдающее третье* и описываетъ тебѣ, что происходитъ въ душѣ моей, слѣдитъ, замѣчаетъ и говоритъ откровенно, не жалѣя ни меня, ни тебя: вотъ это хорошо, вотъ это подло и низко. Если оно тебѣ описываетъ болѣе худаго во мнѣ, нежели хорошаго, то это потому, что теперь, въ настоящія мгновенія, или, дѣйствительно, встрѣчается болѣе худаго или же оно тщательнѣе теперь присматриваетъ за худымъ.

Что касается до *мира* души и до средства, предлагаемаго пѣтистами, водворить этотъ миръ,—*молитвы*; то я ни того, ни другаго не принимаю въ ихъ смыслъ. Не потому, чтобы я отвергалъ утѣшительное дѣйствіе молитвы; нѣтъ, ты найдешь довольно и въ моихъ письмахъ доказательствъ, что я также ищу въ ней утѣшенія и нахожу, какъ и все въ мірѣ земномъ, мгновенное. Но, считать молитву за *главное* въ жизни и искать въ ней *одно утѣшеніе*,—это не мое убѣжденіе; нѣтъ, это не мои идеи о христіанскомъ ученіи; я со дня на день болѣе и болѣе вникаю въ его смыслъ, и болѣе и болѣе убѣждаюсь и внутренно чувствую, въ чемъ, впрочемъ, и прежде уже былъ убѣ-

жденъ и прежде чувствовалъ: *дѣла, не молитва; въра дѣлъ; а не въра*, выраженная однимъ помысломъ и молитвою,—*вотъ моя въра*.

И покуда я не убѣдился, что дѣлаю доброе и дѣлаю безъ всякаго другаго, посторонняго намѣренія, а только съ однимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что необходимо дѣлать доброе и дѣлать его съ любовью, съ наслажденіемъ, ища именно наслажденія только въ томъ, что дѣлаешь доброе изъ любви, — до тѣхъ поръ я не христіанинъ; и никакая молитва на свѣтѣ до тѣхъ поръ не можетъ меня утѣшить въ мгновеніе скорби; и еще бы было лучше, если бы добрыхъ (истинно добрыхъ) дѣлъ было столько въ моей жизни, чтобы *они мнѣ не давали времени и молиться*; тогда бы *вся жизнь моя была—молитва*, въ настоящемъ, глубокомъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова, — т.-е. вдохновенная, богоугодная жертва любви въ земной жизни.

Прочти въ главѣ X у Маттея, что заповѣдалъ Иисусъ своимъ 12 ученикамъ: „больныхъ исцѣляйте, говорилъ Онъ имъ, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте: даромъ получили, даромъ и давайте. Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы ваши. Ни суму на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни сапоговъ, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія (10, 8, 10). Остерегайтесь людей (17). Будьте мудры, какъ змѣи и незлобивы, какъ голуби (16). Когда будутъ предавать вамъ, не заботьтесь (19). И будете ненавидимы за Имя Мое; претерпѣвшій же до конца спасется (22). Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой (23).

Все *дѣла и дѣла*. Да *дѣла*, Саша. И такъ, ты должна бы была мнѣ сказать въ утѣшеніе, если бы ты знала мои убѣжденія и мысли о христіанствѣ, вполнѣ основанныя, какъ ты видишь, на Евангеліи, не это: „по мѣрѣ того, какъ ты *будешь больше и чаще молиться*, то покровъ Всевышняго осѣнитъ насъ, и доколѣ не будетъ мира душевнаго, мы еще не вполнѣ христіане“. Ты должна бы была сказать мнѣ: „по мѣрѣ того, какъ ты *будешь больше и чаще дѣлать дѣла въ духѣ христіанскаго ученія*, то покровъ Всевышняго осѣнитъ насъ; мира же душевнаго не ищи ни въ чемъ другомъ на землѣ“.

„Не думайте, сказалъ Спаситель, что Я пришелъ принести миръ на землю. Я пришелъ не миръ принести, но мечъ. Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью, и невѣстку съ свекровью ея. И враги человѣку домашніе его. И кто не возьметъ креста Моего и не послѣдуетъ за Мною, тотъ

не достоинъ Меня. Берегущій душу свою, потеряетъ ее, а потерявшій душу свою за Меня, обрѣтетъ ее". (Мате. 10. 34—38).

И такъ, борьба и дѣятельность съ убѣжденіемъ, что бороться и дѣйствовать необходимо, что это цѣль. Мгновенія, въ которыхъ выражается предъ тобою мой разладъ со мною, не должны бы собственно существовать; онѣ должны бы были быть посвящены христіанской дѣятельности; также какъ мгновенія вдохновенія—молитвѣ; но, только однѣ мгновенія вдохновенія, оставшіяся свободными отъ дѣятельной, христіанской, практической борьбы. Вотъ какъ я постигаю жизнь.

И такъ, главное—учредить, чтобы наша дѣятельность была направлена въ духѣ ученія Христа; вотъ главное. Позаботься объ этомъ, направляй мои всѣ дѣла для этой цѣли, молись со мною въ минуты вдохновенія и будешь вѣрною спутницей человека, вѣрующаго въ идеалъ. Раскаяніе онъ будетъ находить въ дѣлахъ, направленныхъ съ этой цѣлью, мгновенное утѣшеніе въ этихъ же дѣлахъ, жертвоприношеніе Всевышнему въ дѣлахъ, любовь и упованіе—въ дѣлахъ, вѣру—въ дѣлахъ, все—въ дѣлахъ. Дѣла, совершаемая въ христіанской борьбѣ, усладятъ горечь и трудности борьбы. Вдохновеніе подкрѣпитъ.

Стремленіе и чувство, что дѣятельно бороться, сдѣлаютъ Идею недосыгаемости Идеала болѣе сносною и даже пріятною. А не такое утѣшеніе: „ты домогаешься недосыгаемаго совершенства“!! Нѣтъ, „домогайся, Николай, борись, я борюсь съ тобою, я твоя вѣрная спутница, бодрствуй, дѣйствуй, стремись къ недосыгаемому“,—вотъ что бы должна говорить мнѣ, если бы *поняла меня совершенно*; грѣтъ, оживлять, укрѣплять; не холодить, не ослаблять. (Вотъ здѣсь мы должны такъ дѣйствовать, вотъ здѣсь такъ).

Мнѣ дѣятельная нужна жена, дѣятельная въ смыслѣ болѣе идеальномъ, поэтическомъ. Не одна только Марфа,—Марія. Вотъ почему я такъ и взошелъ въ подробности, разбирая: *молись, люби и трудись*. Безъ дѣлъ, нѣтъ спасенія, нѣтъ осуществленія любви, нѣтъ осуществленія вѣры, нѣтъ борьбы, нѣтъ цѣли. Главное, повторяю, и готовъ повторять тысячу разъ, направить дѣла въ духѣ христіанскаго ученія не для самолюбія, не для суеты, не для земныхъ благъ,—для *вышей* цѣли, для *стремленія къ Вѣчной Истинѣ, съ любовью въ сердце, съ желаніемъ благого*.

Сдѣлай это, и молитва и вдохновеніе тогда придутъ сами по себѣ, какъ торжественный гимнъ, какъ выраженіе души, борющейся и устремленной туда, туда, высоко и далеко! И такъ, если хочешь истинно меня утѣшить, говори мнѣ въ твоихъ письмахъ:

какъ мы будемъ *дѣйствовать*, какъ мы должны направить наши дѣла, а не объ одной *молитвѣ и чувствахъ*.

Молитва и чувства невыразимы, необъяснимы, ихъ на бумагу не поймашь; я знаю, что я говорю тебѣ жестко, но говорю то, въ чемъ убѣжденъ. Описывая мои тяжелыя мгновенія, мой разладъ, какъ ты думаешь съ собою,—я не жаловался тебѣ, я не выплакивалъ твоего сожалѣнія, не искалъ утѣшенія въ словахъ; я писалъ, чтобъ тебѣ ¹⁾ представить внутренній бытъ души въ нѣкоторыя мгновенія жизни; но никогда не говорилъ, что *вся моя жизнь* составлена изъ этихъ однихъ мгновеній, что я желаю отъ нихъ теперь же, во что бы то ни стало, освободиться. Онѣ необходимы, я это знаю; онѣ должны быть; онѣ, выраженіе борьбы,—въ которой полагаю и цѣль жизни.

Вотъ, я нашелъ одно мѣсто въ 10 B. Stunden der Andacht ²⁾, которое мнѣ открыло, меня утѣшило скорѣе и прочнѣе, чѣмъ твои письма, показавъ мнѣ практическое средство избавиться отъ сомнѣній, или сдѣлать ихъ для меня сноснѣе. Слушай: разсуждая о *Гомѣ невѣрномъ*, собственно маловѣрномъ, знатокъ сердца говоритъ ³⁾:

„Все, что говорятъ мнѣ заслуживающіе довѣрія люди о добродѣтели и благоразуміи, поскольку оно не *противно законамъ со-*

¹⁾ Отъ словъ „молитва и чувства“... до словъ „чтобъ тебѣ“ — пять строкъ въ рукописи обведены Пироговымъ по краю оваломъ (пунктиромъ), а сбоку приписка: „*Мой поцѣлуй*“. Это означаетъ, какъ и въ двухъ-трехъ другихъ письмахъ къ А. А. Бистромъ, что Н. И. поцѣловалъ соответственное мѣсто письма. Здѣсь же, по краю, еще приписано:

„Прими, другъ Саша, съ любовью эти строки. Онѣ жестки вышли. Но я ихъ поцѣловалъ, чтобъ смягчить“.

²⁾ Н. Zschokke. Stunden der Andacht zur Bõfferderung wahrer Christenthums und häuslichen Gottesverehrung. 10 Bände,—книга, выдержавшая множество изданій и особенно распространенная въ 40—50 годахъ прошлаго столѣтія. Полный экземпляръ ея Пироговъ подарилъ своей невѣстѣ. По этому поводу въ письмѣ отъ 12 апрѣля онъ писалъ невѣстѣ: „Посылаю тебѣ, милая моя, несравненная Саша, для дня твоего Ангела: Stunden der Andacht—полное;—читай, ты вѣрно найдешь наслажденіе; я бы ничего лучшаго не желалъ, какъ того, чтобы и дѣти наши жили и были воспитаны по правиламъ, содержащимся въ этой книгѣ, и я, ей-Богу, не понимаю, какъ наша добрая Женни (Е. Ф. Козенъ) могла до такой степени быть ослѣплена парадоксами піэтизма Нильсена, чтобы сказать безсмыслицу: „Я не хочу читать эту книгу, потому что она содержитъ только одну мораль“. Это въ моихъ глазахъ просто преступленіе...“ Сравни. январь, стр. 106—107.

³⁾ Слѣдующій текстъ до абзаца „Славно.—И такъ...“ — выписка изъ книги Цтокке—приводится Пироговымъ на нѣмецкомъ языкѣ.

вѣсти и разсудка—все достоверно. Все то, что является подозрительнымъ уже по источнику его происхожденія, а также и по противорѣчію съ самимъ собою и съ общепризнанными истинами—все это сомнительно. Для сохраненія моего собственнаго душевнаго покоя, для сохраненія отъ разрушенія моего внутренняго міра, я долженъ, по возможности, не вѣрить сомнительному, не сомнѣваться безъ основательныхъ причинъ въ достоверномъ. Но такая уже господствующая наслѣдственность человека; онъ *не можетъ сохранить мѣру ни въ злѣ, ни въ добрѣ*; отсюда несчастье нашего рода. Изъ-за *пустяка*, возбуждающаго сомнѣніе, люди считаютъ себя въ правѣ сомнѣваться въ существенномъ и отказываться отъ него, какъ отъ неумѣстнаго. Если же у нихъ нѣтъ основанія для сомнѣній, то они выдумываютъ его... Они хотятъ проникнуть еще глубже и найти поводъ сомнѣваться даже въ своемъ сомнѣніи, и они теряются въ лабиринтѣ своихъ хитросплетеній, который они не въ силахъ распутать и еще менѣе справиться съ нимъ. И въ концѣ концовъ стоятъ они въ немъ усталые, оупѣвшіе; и ихъ сомнѣніе выливается въ сомнѣніе во все святое, доброе, справедливое и истинное (это былъ и по временамъ еще есть: я) ¹⁾. Кто обладаетъ чувствомъ проницательности и тонкою способностью сужденія, легко придетъ къ надменному отрицанію всего, что не кажется ему сразу истиннымъ. Вмѣсто того, чтобы отыскать причины неясности ложнаго представленія его о томъ или иномъ предметѣ религіи, онъ совершенно отрицаетъ ложно понятыя имъ учителей. Онъ привыкаетъ во всемъ приводить одинаковое число доводовъ *за* и *противъ* (самая вѣрная картина моя) ²⁾ и, если обѣ части уравниваются, онъ стоитъ въ нерѣшительности между ними (я обыкновенно не *unentschlossen*, а беру то, что мнѣ кажется ближе подходящимъ къ моей натурѣ) ³⁾. Несчастливая привычка во всемъ приводить *противъ* столько же доводовъ какъ и *за*, и наоборотъ, *за* столько же, какъ и *противъ*, это смерть правильнаго познаванія всякой истины, всякаго душевнаго покоя. Въ обиходной жизни, какъ и во внутреннемъ религіозномъ настроеніи, при этомъ являются колебанія, нерѣшительность. Трудно искоренить такое неправильное направленіе дѣятельности духа, и чтобы отказаться отъ этихъ привычекъ, нужно больше времени и больше

¹⁾ Написано по-русски, какъ текстъ самого Пирогова.

²⁾ Также написано по-русски.

³⁾ По-русски.

настойчивости, чѣмъ для того, чтобы привить ихъ себѣ. Все въ концѣ концовъ вырождается въ неувѣренность, въ убожество духа. *Нѣтъ мучшаго средства излеченія отъ этой душевной болѣзни, какъ снова начать съ того, откуда исходили.* Нужно снова научиться вѣрить тому, что по чести удостовѣряютъ мудрые и добросовѣстные люди. И если нѣкоторыя превратныя, все подвергающія сомнѣнью, представленія все еще возвращаются, потому что они отъ продолжительнаго примѣненія ихъ обратились въ привычку,—то нужно настойчиво отгонять ихъ мыслью, что представленіе не можетъ считаться еще правильнымъ только потому, что оно укрѣпилось въ насъ и при всякомъ случаѣ возвращается. Какъ вѣра является первымъ путемъ для познанія истины, такъ и сомнѣніе, безусловно, является самымъ вѣрнымъ путемъ для познанія истины. Изъ вѣры можетъ родиться сомнѣніе и изъ сомнѣнія снова самая глубокая вѣра. *Это обычная исторія духа всякаго мыслящаго чловѣка.* Сомнѣніе—это *осторожная любовь* къ истинѣ, это мудрое недоуверіе къ тому, что еще не разрѣшено. Это прогрессъ въ совершенствованіи познанія, это ростъ духа, при чемъ *шаткое отпадаетъ и остается лишь существенное.* Но какъ путь разсудительной вѣры, такъ и путь мудраго сомнѣнія имѣютъ свои опасныя отклоненія. Самое лучшее имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ оно дѣлается взломъ.

Славно. И такъ, начнемъ продолжать недоконченное о вѣрѣ. Ты опять скажешь, пожалуй: къ чему эти *высокія теоріи ума*; говори мнѣ о твоихъ чувствахъ, мнѣ это несравненно пріятнѣе; увѣрай меня, что ты меня любишь, какъ я тебѣ объ этомъ всегда пишу. Я тебѣ отвѣчаю: душка, другъ, избранный мною, одна минуточка свиданія, одинъ поцѣлуй, одно пожатіе руки, одна слезинка на рѣсницахъ, передастъ другъ другу болѣе, тысячекратно болѣе, то, что мы чувствуемъ одинъ къ другому, то, чѣмъ исполнены наши души, чѣмъ всѣ письма въ свѣтѣ. Но, такъ какъ это необходимо, какъ ты увѣришь, для твоего спокойствія,—то изволь: опишу тебѣ одно изъ мгновеній, навѣщающихъ меня ежедневно; но вчера послѣ Пріобщенія, послѣ моей теплой, вдохновенной молитвы, посѣтившее меня еще сильнѣе. Когда я началъ было спокойно засыпать, ты мнѣ представилась во снѣ и меня разбудила, и живо чувствовалъ, что Самъ Богъ соединяетъ меня съ тобою, прижималъ тебя мысленно въ моихъ объятіяхъ такъ нѣжно, такъ сладко, душа летѣла къ тебѣ и жаждала съ тобою... *слиться...* Но будетъ объ этомъ. Теперь мысли и дѣла на сцену.

И такъ (я остановился), жизнь Евангелистовъ доказываетъ намъ истину ихъ авторитета. Въ доказательство истины ими свидѣтельствованнаго можно бы было еще привести и внутреннее убѣжденіе многихъ изъ людей глубокомыслящихъ, ученыхъ, глубокочувствующихъ и вдохновенныхъ, *что человечество идетъ безпрестанно впередъ, совершенствуясь чрезъ откровеніе, и начала его все болѣе и болѣе вкореняются въ человечество*, очищаясь отъ прикрывающихъ ихъ предразсудковъ и невѣжества. Доказательствъ этому можно довольно найти въ исторіи, начиная съ первыхъ временъ христіанства до сихъ поръ, разсматривая всѣ взгляды на христіанское ученіе. Но для многихъ этотъ вопросъ еще не рѣшенный. Мы, по крайней мѣрѣ, останемся при этомъ убѣжденіи: несмотря на *временное, настоящее* стремленіе общества къ паганизму, это стремленіе должно исчезнуть и разсѣяться, какъ мракъ предъ свѣтомъ.

И кто же, разсматривая исторически развитіе христіанства въ человечествѣ, не убѣдится въ его божественномъ началѣ. Въ то время, когда Римская Имперія достигла высшей степени своего могущества, когда цезари управляли народомъ, Еллинская мудрость процвѣтала, Виргилій и Овидій воспѣвали дѣла своихъ боговъ и героевъ, когда роскошь и наслажденія достигли точки пресыщенія, когда Римъ означалъ цѣлый свѣтъ,—въ уголку одной изъ Римскихъ провинцій, въ народѣ, пренебрегаемомъ римлянами (плѣнниковъ котораго императоръ Титъ продавалъ до 30 за одну мѣдную монету; это было даже послѣ Р. X.), появляется пророкъ, огласившій своими призывными воплями бесплодную пустыню, крестившій водою и сказавшій, послѣ того, какъ цѣлыхъ 500 лѣтъ народъ, считавшій себя избраннымъ отъ Бога, не слыхалъ никакихъ болѣе пророчествъ,— „я крещу васъ въ водѣ для покаянія; Но идущій за мною крѣпче меня: я не достоинъ Ему сапоги понести. Онъ будетъ крестить Васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Матѣ. 3, 11), и въ слѣдъ за нимъ является Назарянинъ, про котораго его соотечественники говорили: „не Іисусъ ли это сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ Онъ: Я спшелъ съ Небесъ“ (Іоаннъ 6, 42),—выбираетъ 12 рыбаковъ и основываетъ новую церковь, благовѣтствуя о будущей жизни, но не о той, въ которую вѣрили и фарисеи, и собственною жизнью и дѣлами даетъ примѣръ, какъ должно достигать обѣщаннаго Имъ блаженства за гробомъ.

Совершаются чудеса. Но какія? Не тѣ, которыхъ требовало закоснѣлое племя; не чудеса на небѣ, не знаки небесные по-

являются; но совершаются чудеса надъ людьми, больные исцѣляются, мертвые воскресаютъ, слѣпые прозрѣваютъ. Новая добродѣтель олицетворится въ мірѣ—милосердіе *charitas*. Народъ въ изумленіи, первосвященники и судьи возстаютъ, преслѣдуютъ опаснаго для нихъ Нововводителя; подговариваютъ, подкупаютъ, наущиваютъ, преслѣдуютъ, берутъ подъ стражу; и вотъ, римскій начальникъ и два первосвященника допрашиваютъ всенародно и осуждаютъ, не находя вины ни въ чемъ. Народъ, видѣвшій благодѣянія невинно Осужденнаго, кричитъ: „распи, распи Его“. Не являются для Его защиты ни слѣпые, которымъ Онъ возвратилъ зрѣніе, ни воскресенные Имъ изъ мертвыхъ; ученики разбѣгаются, самый любимый трижды отрекается, Его влекутъ на Голгоѳу, позорятъ, предають позорной казни. Но „свершилось“ произносится Его устами и съ этимъ словомъ новая заря восходитъ для человѣчества: паганизмъ исчезаетъ, Римъ распадается на части, избранный народъ, какъ прахъ, разсѣивается по лицу земли, и обновленное человѣчество начинаетъ жить новою, дотогѣ неизвѣстною, жизнью.

Кто же не убѣдится, рассматривая это бытописаніе, что Одно Воплощенное Слово, Одинъ Воплощенный Духъ Творца, могъ свершить эти чудныя событія, обновившія весь внутренній бытъ человѣка?

Но кромѣ историческаго я, такъ сказать, матеріальнаго авторитета въ истинѣ свидѣтельствъ откровенія мы находимъ еще *другое*, которое въ моихъ глазахъ также *важно, прочно и непоколебимо*. Поищемъ его въ бытописаніяхъ *нашего сердца* и въ бытописаніи сердца всего человѣчества. Найдется ли хоть одинъ на землѣ безчувственный и загрубѣлый, который бы идею о безсмертіи души, даже находя ее недоказанною и химерическою, не считалъ однако же высокою, утѣшительною и божественною и не понялъ бы всю цѣну, всю степень утѣшенія, заключающагося въ ней? Не къ ней ли стремилась бессознательно искони вся лучшая часть человѣчества, даже во времена самаго грубаго паганизма, даже провозглашая ее подъ другимъ видомъ, подъ видомъ безсмертія дѣлъ на землѣ?

Найдется ли также хоть одинъ изъ смертныхъ, возвысившійся нѣсколько выше безмысленнаго животнаго, который бы не постигъ утѣшительнаго и высокаго въ *другой* основной идеѣ христіанства: безкорыстной любви, твердаго упованія въ Божественный Промыселъ, и не былъ бы пораженъ до глубины души *третьею* его основой: самопожертвованіемъ для блага

общаго и другихъ? Наконецъ, когда человѣчество не искало и когда перестанетъ искать сокровенной *связи*, соединяющей его на землѣ съ Божествомъ?

Все это оно нашло въ откровеніи; и утомленное и пресыщенное бранными наслажденіями, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ничтожествѣ своего земного существованія; и еще свѣжее и юное, едва выступившее на поприще всемірной дѣятельности, готовое ко всѣмъ самопожертвованіямъ,—оно съ упованіемъ, съ восторгомъ бросилось въ объятія христіанства, почувавъ въ немъ поэтически родное, напоминавшее ему другую, горнюю, отчизну души.

Теперь, какъ *два есть пути* для убѣжденія истины откровенія: *историческій и нравственный*, произтекающій изъ собственной нашей души, такъ есть и *два* взгляда на сущность христіанскаго ученія: одинъ *исторической*, другой *отвлеченный*. *Первый* полагаетъ главнымъ основаніемъ самыя событія; въ немъ тайна Рождества Спасителя, Его чудеса, Его страданія, Его Воскресеніе и Вознесеніе составляютъ главное и существенное. При этомъ взглядѣ на христіанское ученіе нельзя быть настоящимъ христіаниномъ, не вѣруя во всѣ подробности этихъ событій, разсматриваемыхъ совершенно *фактически* или *материально*. *Другой* взглядъ, *отвлеченный*, видитъ въ христіанскомъ ученіи *Идеаль* и считаетъ этотъ *Идеаль* земной жизни и стремленіе къ другой, вѣчной, за самое существенное. Онъ также разсматриваетъ и человѣческую жизнь Спасителя, но разсматриваетъ, какъ одинъ идеальный образецъ для нашей практической жизни, для нашей борьбы къ достиженію обѣщаннаго блаженства,—безсмертія за гробомъ. Всѣ событія, которыми ознаменовано введеніе въ міръ христіанскаго ученія, при этомъ взглядѣ разсматриваются также со стороны болѣе отвлеченной.

Я принадлежу къ послѣдователямъ идеальнаго или отвлеченнаго взгляда. *Идеаль* христіанства вѣченъ, непреложенъ, единственъ. Событія толкуются и разсказываются толковниками Евангелистовъ различно; нѣкоторыя изъ нихъ противорѣчатъ совершенно нашимъ понятіямъ о вѣщественномъ мірѣ, а нѣкоторыя очевидно перешли въ Откровеніе изъ Вѣтхаго Завета и даже изъ язычества. Не то, чтобы я не вѣрилъ въ Авторитетъ Евангелистовъ, я уже про это говорилъ; но и чистые источники теперь такъ возмущены духомъ сектъ и расколовъ, что самымъ ученѣйшимъ богословамъ трудно сказать что-нибудь положительное. Несмотря на это, я вѣрю въ главныя, существенныя событія, которыя необходимо нужно принять и при

отвлеченномъ взглядѣ на христіанизмъ; но они для меня составляютъ не главное. „Онъ (Богъ) далъ намъ способность, говорить и Апостоль Павель, быть служителями *Новаго Завета, не буквы, но духа; ибо буква убиваетъ, а духъ животворитъ*“¹⁾.

Событія, которыми ознаменовано было введеніе въ міръ христіанскаго ученія Спасителемъ, я считаю необходимыми руководителями въ практической нашей жизни для стремленія къ Недостижимому и потому вѣчно истинному, вѣчно юному Идеалу. Поэтому, кто мнѣ только скажетъ, что онъ стремится къ безсмертію, что онъ ищетъ на землѣ своею жизнью приготовить себя къ достиженію Необъятнаго, Непостижимаго, Вѣчнаго, а жизнь свою располагаетъ такъ, какъ она изображена рѣзкими чертами въ ученіи Спасителя; тотъ мнѣ и братъ по душѣ. Веселъ ли онъ обыкновенно, грустенъ ли или задумчивъ, молится ли при этомъ безпрестанно или трудится и веселится; это мнѣ все равно, лишь бы дѣла его и его намѣренія соотвѣтствовали духу христіанскаго ученія; въ какой степени онъ вѣритъ въ различныя событія, что принимаетъ, что отвергаетъ,— это для меня также не главное, это *буква*, которая убиваетъ, поселяетъ разногласіе и даже *ненависть*, производитъ споры и секты, а не *духъ*, который животворитъ, одушевляетъ и все соглашаетъ.

Въ этомъ я совершенно уже отличенъ отъ піетистовъ, главою которыхъ здѣсь въ Петербургѣ Нильсенъ; я его уважаю и люблю (даже не зная много), какъ христіанина, какъ человека съ хорошими убѣжденіями и чувствами, но его взглядовъ на молитву, на „*brunnende Liebe*“ я не раздѣляю.

Одно изъ двухъ, *или* нужно имѣть взглядъ отвлеченный на христіанское ученіе, и тогда, полагая въ стремленіи къ идеалу всю его сущность, и вести жизнь, соотвѣтствующую вполнѣ этому стремленію; тогда молитва—одно поетическое вдохновеніе, хвалебный гимнъ Творцу Міровъ, преклоненіе предъ Его Верховною Святою Волею; *или* имѣть взглядъ болѣе актической, и тогда жизнь будетъ исполнена христіанскаго милосердія (*charité*), а молитва—простое, умиленное исполненіе святыхъ обрядовъ, завѣщанныхъ Самимъ Спасителемъ и Его учениками, соединенное съ Вѣрою, Упованіемъ и взаимною любовію, такъ,

¹⁾ Онъ же говоритъ: „Тогда какъ мы не имѣемъ цѣлью видимое, но невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вѣчно (4. 18. Втор. Посл. къ Коринф.).“

Выноска Пирогова.

какъ это дѣлалось въ первыя времена христіанства, во времена Апостольскія. Вѣрующіе же, пишетъ Евангел. Лука въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, гл. 2, 44, — всѣ были вмѣстѣ и имѣли все общее. Они продавали имѣнія и всякую собственность и раздѣляли ихъ всѣмъ, смотря по нуждѣ cadaго (коммунизмъ?) и каждый день единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, *принимали пищу съ веселіемъ и въ простотѣ сердца*, восхваляя Бога, и любимы были всѣмъ народомъ“.

Я готовъ сердечно, и на то, и на другое. Но піетисты говорятъ: нѣтъ, нужно еще „*brennende Liebe*“. Да *любовь* заповѣдана и Спасителемъ, и Апостолами; я уже привелъ нѣсколько словъ Апостольскихъ, изъ которыхъ видно, что они любовь ставили даже выше Вѣры; *на приложенномъ листкѣ отъ 17 апрѣля* ¹⁾ ты найдешь еще нѣсколько мѣстъ о любви изъ посланій Апостольскихъ. Но про какую любовь говорится въ Евангеліи и въ этихъ посланіяхъ? А вотъ, сейчасъ увидимъ:

Любовь (2-я главная христіанская добродѣтель). Въ христіанской любви мы должны различать 3 различныхъ *направленія*: 1) *любовь къ Богу отвлеченную*. Кто разъ позналъ Бога, тотъ уже долженъ почитать и вмѣстѣ любить Его. Даже не принимая никакой связи между Богомъ и человѣкомъ, человѣкъ уже долженъ любить Его. Еще болѣе тотъ, который вѣритъ въ эту священную связь, который слѣдовательно чувствуетъ себя обязаннымъ за всѣ неисчерпаемыя Его благодѣянія, которыя Онъ разлилъ по всей Вселенной. И еще болѣе, кто, обожая Идеаль Премудрости и Вѣчности, стремится безпрестанно сдѣлаться достойнымъ къ обновленію себя новою жизнью, проистекающею изъ Обожаемаго Идеала и обѣщанною Откровеніемъ. Это самая чистая, самая безкорыстная, высокая и поэтическая любовь; она осѣняетъ человѣка вдохновеніемъ, она заставляетъ забывать и скорби, и труды, и борьбу съ прахомъ и суетою.

2) *Любовь къ Богу болѣе человѣческую, болѣе матеріальную*. Она обнаруживается преимущественно къ Воплощенному Слову, принявшему образъ человѣка, жившему земною жизнью, переносившему скорби и страданія плоти. Она выражается сочувствіемъ и состраданіемъ къ страстямъ Христа, живо представляя себѣ, *по собственнымъ своимъ ощущеніямъ*, все, что Онъ долженъ былъ переносить отъ несправедливости и грубаго звѣрства людей. Этою любовью одушевлялись нѣкогда аскеты и мученики. Эта любовь, особливо ясно проявляющаяся въ католицизмѣ, приво-

¹⁾ См. ниже.

дила людей къ произвольнымъ истязаніямъ плоти, она подала поводъ къ образованію самыхъ неестественныхъ восторженныхъ сектъ и она же проявляется и въ лютеранскомъ піетизмѣ, въ различныхъ видахъ и въ различныхъ степеняхъ. Любя этою любовію Христа, мы судимъ о немъ уже совершенно по нашей плоти и слѣдовательно имѣемъ въ виду только Его одинъ вещественный матеріальный бытъ на землѣ.

3) *Любовь къ Богу и Посланному Имъ фактическую, самую существенную*, которою по моимъ понятіямъ проникнуто все христіанское ученіе, взятое и въ идеальномъ, и въ историческомъ смыслѣ. Эта любовь къ Богу есть наитруднѣйшая въ исполненіи и обнаруживается *дѣлами*.

„Ибо въ томъ и любовь къ Богу, говоритъ Іоаннъ Евангелистъ (I Посл. гл. 5. 3), чтобы мы соблюдали заповѣди Его, и заповѣди Его не тяжки“. А что заповѣдывалъ Іисусъ юношѣ, который сказалъ ему: „Учителю благій! что добраго я долженъ сдѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную?“ Іисусъ отвѣчалъ: „Если же хочешь войти въ жизнь вѣчную, сохрани заповѣди“. Говоритъ ему: „Какія?“ Іисусъ сказалъ: „не убей, не прелюбодѣйствуй, не украдь, не лжесвидѣтельствуй; чти отца твоего и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя“. Юноша говоритъ Ему: „все это сохранилъ я отъ юности моей: чего еще не достаетъ мнѣ?“ Іисусъ сказалъ ему: „если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и получишь сокровище на небеси; и приди, слѣдуй за мною“.

И такъ, дѣла. А какъ изобразилъ Спаситель страшный послѣдній день Суда? На чемъ основываясь будетъ Онъ судить человѣчество? „И соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга, такъ какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ. Тогда скажетъ Царь стоящимъ одесную Его: „Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня, былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня, въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ“... Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: „истинно говорю вамъ, поелику вы сдѣлали сіе одному изъ Моихъ братьевъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали“. (Матѣ. 25, 32—46).

Итакъ, вотъ чѣмъ познается эта истинно евангелическая любовь къ Богу—дѣлами, основанными на христіанскомъ милосердіи;—вотъ, чѣмъ мы будемъ судимы Богомъ въ той,—а совѣстью въ этой жизни. Вотъ главное. „Дѣти, внуки, любите другъ друга,

повторялъ безпрестанно престарѣлый Богословъ,—это завѣщаніе Спасителя; слѣдуйте ему, и этого достаточно уже, чтобы спастись“.

Къ этой же любви, проникнутой уже давно отвлеченною любовью къ Предвѣчному Идеалу Мудрости, Любви, Добра и Милосердія, стремлюся, видитъ Богъ! и я. Какъ далекъ еще я отъ достиженія Недостижимаго, я знаю, я чувствую, но молю Его въ минуты вдохновенія, да осѣнитъ, да подкрѣпитъ меня на добрыя дѣла на добрыя желанія ¹⁾).

Вотъ тебѣ, что ты называешь *высокими теоріями ума*. Признавай ихъ, если хочешь за теоріи, но оставь мнѣ *идеальное (теоретическое) благо стремиться чрезъ эти теоріи къ моему Идеалу*. Храни тебя, неоцѣненный мой другъ, Святое Провидѣніе. Ниспосли и тебѣ Силу и Волю укрѣплять меня въ моей Вѣрѣ, въ *вѣрѣ дѣлѣ*, и утѣшать взаимною, вдохновенною мольбою. Но не думай, чтобы я этимъ письмомъ вдумалъ нарушать твои убѣжденія и мысли о молитвѣ.

(Письмо это получишь прежде посланнаго въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ).

Нѣтъ, онѣ для меня также священны и высоки, какъ и мои собственные.

Дѣти и сестра тебя цѣлуютъ, обнимаютъ и Христосоваются.

Ты получишь теперь еще 2 письма: *предпоследнее и последнее*. Я буду занятъ предъ отъѣздомъ за мѣсяць и потому не въ состояніи буду писать тебѣ много, какъ теперь. Отъ тебя же надѣюсь получать также часто, какъ и теперь.

Прощай, моя душка, мой неоцѣненный, милый, несравненный, добрый, вѣрный, чудный, идеальный другъ.

Кончилъ въ субботу 22 апрѣля.

Приписано незадолго предъ утренею Свѣтлаго Воскресенія.

И такъ, моя Саша, *Вѣру*, т. е., по словамъ Св. Павла, „осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“, докажемъ *дѣлами*, т. е. *самымъ труднымъ путемъ*.

Любовь нашу къ ближнимъ докажемъ дѣлами, а любовь нашу

¹⁾ *Объ упованіи* я потому не говорю, что считаю его непосредственнымъ слѣдствіемъ, истекающимъ изъ присутствія въ душѣ Вѣры и Любви.

Выписка Пирогова.

къ Богу осуществимъ чрезъ искреннюю безкорыстную любовь къ ближнимъ, слѣдовательно, также самымъ труднымъ путемъ.

Упованіе наше осуществимъ *дѣлами*, показавъ наше терпѣніе, стойкость и твердость въ терпѣніи.

Молитву нашу осуществимъ чрезъ *вдохновеніе*.

Къ счастью мірскому постараемся быть *хладнокровными*.

Въ борьбу постараемся искать *наслажденія и счастья*.

Цюль моя Религія.

17 Апрѣля 1850 г.

Я говѣю и, читая Апостоль, вздумалъ выписать все, что касается любви... Вотъ слова Апост. Павла. (Посл. перв. къ Коринф.).

„Есть ли я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звучащая или кимваль звенящій. Есть ли имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія такъ, что и горы могу переставлять, а не имѣю любви: то я ни-что.—И есть ли я роздамъ все мое имѣніе и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: то сіе ни къ чему не послужитъ мнѣ. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, любовь не гордится; не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не помнитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ; *все прикрываетъ, всему вѣритъ, всею надѣется, все переноситъ* (чудо! восхитительно!); *любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе исчезнетъ*. Ибо мы *отчасти* (только) знаемъ и *отчасти* пророчествуемъ; когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески рассуждалъ; а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же—лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, тогда же познаю подобно, какъ я познанъ. А теперь остаются намъ только три эти: *вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше*“¹⁾.

(Послан. къ Галатамъ). Во Христѣ не имѣетъ силы ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, *но вѣра, дѣйствующая любовію*²⁾.

¹⁾ Глава 13.

²⁾ Глава 5, 6.

(Послан. къ Колоссянамъ). Снисходя другъ другу и прощая одинъ другаго, есть ли кто на кого имѣтъ жалобу, какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы. А паче всего *облекитесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства* ¹⁾.

(Перв. послан. Іоанна). Всякой не творящей правду не есть отъ Бога, также не любящей брата своего. Ибо сіе есть благовѣтствованіе, которое вы слышали сначала; чтобы мы любили другъ друга... Не дивитесь, братья мои, есть ли міръ ненавидитъ васъ. Мы знали, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: кто не любитъ брата, тотъ пребываетъ въ смерти. Любовь познали мы въ томъ, что Онъ душу свою положилъ за насъ: посему и мы должны полагать души за братьевъ. А кто имѣетъ богатство міра сего, но видя брата, имѣющаго нужду, затворяетъ отъ него сердце свое, въ томъ—гдѣ любовь Божія? Дѣти мои! *станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною*. И вотъ, почему узнаемъ мы, что мы отъ истины и успокоимъ предъ Нимъ сердца наши. Ибо, если осуждаетъ насъ сердце наше, кольми паче Богъ, потому что Богъ больше сердца нашего и знаетъ все. Возлюбленные! *если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ свободный доступъ къ Богу...* Возлюбленные! станемъ любить другъ друга; ибо любовь отъ Бога и всякой, кто любитъ, рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога; *потому что Богъ есть любовь...* Любезные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ (что послалъ намъ Сына Своего), то должно и намъ любить друга друга, Бога не видалъ никто никогда. Если мы любимъ другъ друга: то Богъ въ насъ пребываетъ, *и любовь ея совершилась въ насъ*. Богъ есть любовь, и пребывающей въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ...: *Страха нѣтъ въ любви, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; ибо въ страхѣ есть мученіе. Боящийся несовершенъ въ любви*. Станемъ и мы любить Его, потому что Онъ еще прежде возлюбилъ насъ. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ: тотъ лжець; ибо не любящей брата, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? ²⁾.

(Первое посланіе Петра). Паче же всего имѣйте усердную любовь другъ къ другу; *ибо любовь покрываетъ множество грѣховъ*. Будьте страннопріимны одинъ для другаго. *Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой кто получилъ*. Говорить

¹⁾ Глава 3, 13—14.

²⁾ Изъ разныхъ главъ, преимущественно четвертой.

ли кто, говори по слову Божію, служишь ли кто, служи по силѣ, какую даетъ Богъ... ¹⁾).

(На оборотѣ листка).

Христосъ Воскресе!

Послѣ заутрени и ранней обѣдни въ Свѣтлое Воскресенье
28 апрѣля. Въ 2 часа утра.

(Обведенъ кружокъ, а въ кружкѣ написано)

Мой поцѣлуй ²⁾).

Сообщилъ С. Штрайхъ.

¹⁾ Глава 4, 8—11.

²⁾ Подписи, какъ и во всѣхъ другихъ письмахъ къ женѣ,—нѣтъ.